

Чхиквадзе Рамаз

24.07.02

РАМАЗ ЧХИКВАДЗЕ:

Кутаиса - 2002 - 18-24 июля - с. 10

И подумать не мог, что буду иметь гостиницу

Про Рамаза ЧХИКВАДЗЕ можно смело сказать — гений сцены, и камня никто кинуть в тебя не посмеет, потому как он актер не просто милостью Божьей, но того масштаба, что рождается редко. Людям театральным тут и объяснять ничего не надо. Прославленные спектакли Театра Шота Руставели обязаны Чхиквадзе многим. Среди его коронных ролей — Азак в спектакле “Кавказский меловой круг”, Ричард в “Ричарде III” Роберта Стурра. Снялся в свыше 60 фильмах, среди которых “Мольба”, “Ожерелье для моей любимой”, “Саженьцы”, “Мелодии Верийского квартала”, “Древо желания”, “Скорбное бесчувствие”, “Ашик Кериб”. Он и теперь снимается, а на Открытом российском фестивале в Сочи, где мы и встретились, представлял дебютную картину Аркадия Яхниса “Ботинки из Америки”, в котором сыграл старого Исаака Берга, единственного еврея, выжившего во время немецкой оккупации в небольшом белорусском городке.

— Рамаз, вы — мэтр, а вот согласились же работать в картине Аркадия Яхниса, хотя он был абсолютно неизвестным вам человеком. Что это — извечная актерская жажда новых ролей? Не притупляется ли с опытом интерес к профессии? Знаю, по разговорам с актерами вашего же театра, что это неизбежно происходит.

— Усталость приходит не от работы, а от новой манеры работать. Настоящего артиста разве можно оторвать от профессии?! Я сегодня не хотел бы участвовать во всех тех спектаклях, которые появляются, и не участвую. Очень часто просят: “Сыграйте это, сыграйте то”. Не хочу. Артист утратил свое бывшее значение. Царит режиссерский театр. Соревнуются в том, кто лучше делает какую-нибудь странность на сцене. Понятно, что хотел режиссер, но хотелось бы узнать и то, к чему стремился автор. Может, я отсталый человек, раз так рассуждаю. Но думаю, что скоро все эти веяния пройдут, и режиссеры соскучатся по настоящему слову и оправданной логике поведения. Роберт Стурра гениален не в новых своих постановках, а в прежних. “Кавказский меловой круг”, “Король Лир” — вот его коронные, выдающиеся спектакли. А уж лучший — это “Кваркаре”. Я мало видел таких на белом свете.

В кино дуют те же ветры. Поставили “Коллекционера”. Я не понимаю, что это такое? Может, кто-то и видит там какую-то философию, но я ни в чем не разобрался. Это плохое кино. Жаль артистов в подобной ситуации: что им играть? Какие-то шутки в кадре: вот торт лежит, картинку повесили. Ради чего все это?

— Если бы вы сами оказались в подобной ситуации? Ваши действия?

— Думаю, что ушел бы, не смог продолжать работу. Я же ушел из театра, где проработал много лет. И теперь соглашаюсь играть примерно дважды в месяц “Кавказский меловой круг”. Просят с ним поехать на гастроли в Кутаиси — пожалуйста, поеду. Почему я должен отказываться от старой своей роли? Я люблю ее.

— А как вы думаете, что такое

расчет в искусстве? Сегодня все чаще говорят о рассчитанном кино...

— Получается, что я должен вначале просчитать успех: получу я премию за роль или нет? Не понимаю. Случается так: думаешь, что ничего из предлагаемого материала не получится, а выходит хорошо. Для кино это характерно. В театре подобные вещи редки. Мне не нравится, что в кино мы все время за кем-то гонимся. Особенно за Америкой. Раз они могут, значит, и мы сумеем. Но разве нет у нас чего-то особенного? И если бы мы именно это наше, особенное, развивали, то достигли бы лучших результатов. Я лично от американских картин устал. После них и российские фильмы “Война” и “Звезда” мне смотреть уже не так интересно. Когда человек пообедает, а ему еще хачапури съесть предлагают, он не может его одолеть. Вижу на экране бесконечные взрывы и думаю: вот, опять Америка. Мне немало лет, старый я уже, наверное, стал. Такие люди, как я, любят поговорить о том, что вот в наше время все было хорошо. Нет, и в наше время немало было плохого. Но то, что сейчас творится в кино и на сцене, мне совсем не по душе.

— Много ли у вас сегодня работы в кино?

— Снялся какое-то время назад в грузинском фильме “Прикованные рыцари”, который финансировала Россия. У Михаила Пташука в “В августе 44-го” сыграл Сталина. Большие картин нет. Кино наше стоит. Картины, начатые 5–6 лет назад, и до озвучивания не дошли. Рассчитывать можно только на богатых людей, которые дадут денег. Больше на грузинское кино взять неоткуда.

— В Грузии профессия актера по-прежнему уважаема?

— Очень уважаема. Ничего не изменилось. Любовь к нам огромна. Я всегда говорю: “Вы, режиссеры, — второй план”. Без хороших артистов нет театра. Хорошая футбольная команда победит, а вот тренер один ничего не сможет сделать. Марджанишвили скончался, царство ему небесное. Его расстреляли. Так актеры сами ставили: Хорава, Босадзе. Очень хорошие спектакли. Талантли-

Р. Чхиквадзе

вые артисты стояли на сцене, поэтому и театр этот обожали. Я все время призываю артистов поднять голову, заявить о себе во весь голос и не позволять обращаться с собой, как с овцами. Началась купля-продажа таланта, как в футболе: этого возьми, а этого нет, плачу столько-то — дайте мне этого артиста. Мы перешли к новой системе, при которой артист нанимается на постановку. Но как это делать, толком еще не знаем.

Учились мы главным образом не в театральном институте, а глядя на блестящих актеров МХАТа, на марджановцев. Что значит постановка, если нет на сцене живого, талантливого человека? Чем вы меня тогда удивите? Нельзя существовать театру и эстраде на одних эффектах. Это

уже не творчество. Фокусы — дело цирка.

— Идут ли молодые в Грузию, как раньше, в профессии, связанные с искусством?

— Не то слово. Попасть в театральный институт очень трудно. Платят за это немалые деньги, образование стало платным. Наша страшная эра очень много плохого принесла. Люди по-другому начали думать. Деньги свели всех с ума. Я очень боялся, что театр потеряет свою силу и значение, но нет, наоборот, в Грузии все развернулось. Такой интерес и к театру, и к кино. В Театре Шота Руставели — аншлаги. Когда идет “Кавказский меловой круг”, билетов не достать за неделю. Кассу сносят. Увеличили даже цену до 10 долларов. При том, что пенсия

у нас — 7 долларов, и у меня в том числе. Но билетов нет. Театр только за один этот спектакль получает хороший куш.

— Грузины сильно изменились за последние годы?

— Трудно говорить об этом. Все, конечно, к худшему идет. Но само отношение к жизни, к человеку осталось прежним. То же гостеприимство, те же своеобразные грузинские отношения. Но в глобальном смысле много отрицательного видно. Это не только наша болезнь, но и всех стран бывшего СССР. Много воров, аферистов, крадущих государственные деньги. Откуда у олигархов деньги, если они ничего не построили — ни заводов, ни фабрик? Украденное все, а не нажитое своим умом и знанием. Об

этом в Грузии много кричат, открыто называя фамилии.

Как можем, поддерживаем близких. Иногда у нас с женой на лекарства просят денег совершенно незнакомые люди — помогаем, как можем. Но я не могу сказать, что народ наш обнищал и достоинство свое из-за денег потерял. Грузия живет дешевле, а земля у нас не такая холодная, как в России, сама родит. Один другому помогает, поэтому явной нищеты нет. Грузину нищим стать трудно. Гордость у людей есть и чувство стыда. Самое страшное, когда не видишь перспектив. Вот двери откроются — и сделаешь шаг вперед. Таких дверей не видать. И открывающего их человека пока нет.

Чем я живу? У меня своя гостиница. Иначе я бы с голоду умер. Мы сделали ее из собственного дома. Моя жена все это придумала. Пятизвездочная, престижная, в ней в основном иностранцы останавливаются, дипломаты, люди, приезжающие в Тбилиси по делам. Они, раз у нас побывав, уже не хотят жить в другой гостинице, к нам стремятся. Алла Пугачева, Майя Плисецкая, другие знаменитости останавливались, и все довольны. Наша гостиница — это вилла, расположенная на возвышенности, но в черте города. У нас свой садик есть. А номера не похожи один на другой. Слава Богу, мне дали дом построить еще в советские времена. Сейчас уже не смог бы этого сделать. Мы надстроили этаж, сделали пристрой — и вот уже 15 номеров можем сдавать. В двух комнатах живем сами — мы с женой и наша старая няня. Там принимаю своих друзей. Называется наша гостиница “Вилла Берика”. Берика — это тот же скомоорох, только грузинский. Выступали они на городских площадях. У нас 20 человек обслуживающего персонала, охрана, два повара, но кухня не только грузинская, но и европейская. Все на высоком уровне. Столовая сделана из старой карельской березы. Красиво. Посол Франции когда-то предложил нам принять его людей, так и пошло. Я и подумать не мог когда-то, что буду гостиницу иметь.

— Вы столько времени проводите у телевизора, даже к морю не выходите. Не пропустили ни одного матча чемпионата мира. Откуда страсть такая футбольная у вас?

— Обожаю футбол. Такие неожиданности он преподносит. Чемпионы могут вдруг ни единого мяча не забить, все у них выигрывают. В молодые годы я и сам играл в футбол. Баскетболом увлекался. Сценическим фехтованием мы в институте занимались. Однажды подходит ко мне педагог и спрашивает, не мог бы я немножко пофехтовать на чемпионате Грузии. Я вышел и занял второе место. Это анекдот какой-то.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА
Фото Ларисы КАМЫШЕВОЙ